

УДК 7.06

ББК 85.03(2)6

DOI 10.18688/aa2515-7-43

А. В. Смирнов, О. В. Беззубова

Изобразительное искусство социалистического реализма: к вопросу о современных подходах к интерпретации¹

Интерес к советскому искусству стабильно присутствует в российском культурном пространстве. Об этом свидетельствуют, в частности, произведения советских художников в экспозициях российских музеев и регулярно проводимые временные выставки². В последние годы можно отметить также рост интереса к живописи социалистического реализма³. Однако если не рассматривать публикации эмпирически-описательного характера, например, биографические исследования и каталоги выставок, а также попытки переосмысления советского искусства в отечественном искусствознании 1990-х — 2000-х гг. [8; 18; 22], то придется констатировать, что разработке теоретико-культурных оснований живописи соцреализма, особенно послевоенного периода, уделено недостаточно внимания. Начиная с 90-х гг. XX в., когда произошел всплеск интереса к советской культуре за рубежом, и особенно в США и Великобритании, сложилась тенденция, в рамках которой внимание советской художественной культуры, за некоторыми исключениями, привлекают, в первую очередь литература и кинематограф, а также плакат и книжная графика (причем преимущественно 20-х–30-х гг.).

Такому положению можно дать различные объяснения, начиная с общепризнанного значения русской литературы в мировом контексте и того, что за рубежом интерес к советской культуре проявляли в первую очередь филологи-слависты, и заканчивая тем, что начиная с 20-х гг. XX в. неизменным вниманием западных исследователей пользовалось искусство русского или советского авангарда, то есть то направление в отечественном изобразительном искусстве, которое в наибольшей степени связано с магистральной линией развития искусства модернизма. Этот интерес доминирует в зарубежных исследованиях, начиная с первых обзорных работ о советском искусстве.

Анализ публикаций последнего десятилетия показывает некоторое снижение интереса к советской культуре за рубежом, возможно, связанное с тем, что данная тема счи-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 25-28-00351 «Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х–1970-х гг.», финансируемого Российским научным фондом.

² О ключевых тенденциях выставочной деятельности в данной области см. [2].

³ Приведем лишь несколько примеров за последние годы: «Дейнека / Самохвалов» (ЦВЗ Манеж, 2019 — 2020); «Соцреализм. Метаморфозы. Советское искусство 1927–1987 (РОСИЗО, 2021); «ДК СССР» (РОСИЗО, 2023); «Образы счастья» (Музей академии художеств, 2023); монографические выставки А. Герасимова («Александр Герасимов. К 135-летию художника», ГИМ, 2016), Ю. Пименова (ГТГ, 2021 — 2022), В. Полкова (ГТГ, декабрь 2024 — май 2025), Д. Жилинского («Дмитрий Жилинский. Личное», РОСИЗО, ноябрь 2024 — февраль 2025).

тается хорошо разработанной. Новые направления в зарубежных исследованиях связаны с вопросом о влиянии советского искусства на культуру и общество за пределами Советского Союза: в других социалистических странах [20; 30; 31; 32; 33; 36], а также на постсоветском пространстве [25; 28].

Можно также констатировать, что за три десятилетия постсоветских исследований советской культуры сформировался «авторизованный» дискурс о советской культуре, своего рода «пост-социалистический канон», включающий группы авторов, публикации которых неизменно упоминаются и цитируются. К таковым можно причислить как тех, кто начинал разработку темы советской культуры еще в доперестроечный период (А. Синявский (А. Терц), Б. Гройс, И. Голомшток) и сегодня стали своего рода классиками, так и тех, кто обратился к советской тематике в 80-е — 90-е гг. (Х. Гюнтер, Е. Добренко, К. Кларк, К. Келли, С. Бойм, М. Балина, В. Боннелл и др.). Таким образом, на данный момент исследовательское поле сформировалось и стабилизировалось, сложился общепринятый способ рефлексии по поводу советской культуры и искусства.

В современных исследованиях советского искусства можно выделить несколько основных подходов. Во-первых, это «тоталитарная школа», одним из основоположников и ярких представителей которой является И. Голомшток [11]. Исследователи, принадлежащие к данному направлению считают ключевой особенностью советского официального искусства его идеологизированный и политизированный характер, утрату автономии как художником, так и искусством в целом (политизацию искусства и эстетизацию политики [15, с. 7–8]), уделяют ключевое внимание таким факторам, оказывавшим влияние на развитие советского искусства как цензура и госзаказ, подчеркивая несвободный характер художественного творчества. Обращают внимание также на специфику организации производства (коллективное творчество, бригадный метод) и массовый характер искусства. Совокупность указанных факторов и определяет «тоталитарный» характер советской культуры: «Организация художественной жизни «как целого» была — вместе с идеологией и культурным террором — частью той зловещей триады, на основе которой произрос соцреализм как национальный вариант общего для XX века феномена искусства тоталитарного государства» [10, с. 135]. Рассмотренное в такой перспективе советское искусство предстает в качестве «анти-искусства», феномена, лишённого тех существенных черт, которыми искусство наделяется в эстетике модерна (свобода, индивидуализм, трансгрессия, автономия и проч.).

Второй подход можно охарактеризовать как критический дискурс модернистской эстетики. Данная линия осмысления советского искусства восходит к позиции К. Гринберга, представленной в статье «Авангард и китч» [12]. Текст был впервые опубликован в 1939 г. в троцкистском журнале *Partisan Review* и отражает ряд представлений, характерных для западного марксизма этой эпохи. Сам Гринберг в дальнейшем считал его незрелым, но, тем не менее, включал в поздние сборники своих статей и, данная работа, без сомнения, является одним из наиболее влиятельных высказываний по поводу развития изобразительного искусства в XX веке.

Следуя за К. Гринбергом, сторонники второго подхода противопоставляют авангард, с одной стороны, народной культуре, укорененной в традиции, и, с другой стороны, культуре массовой, заимствующей формы «высокой» классики, но упрощающей и вы-

холащивающей ее содержание. Соцреализм (так же как и вся популярная реалистическая живопись, например работы передвижников) очевидно представляет собой искусство массовое, и, следовательно, является одним из проявлений китча. Такая позиция в своем дальнейшем развитии приводит к исключению советского реализма из мировой истории искусства как неценного, «плохого» искусства, причем не столько по этическим и политическим причинам, но, в первую очередь, по причинам чисто художественного свойства. История советского искусства, таким образом, распадается на две линии: авангард и различные формы неофициального искусства второй половины XX в., согласующиеся с общими тенденциями развития искусства западного, и соцреализм, остающийся за рамками рассмотрения.

Третий подход можно охарактеризовать как «компатибилистский». Его представители вслед за Б. Гройсом [14], стремятся показать, что соцреализм не следует противопоставлять авангарду. Он может рассматриваться либо как логическое продолжение авангарда, либо как протопостмодернизм — «полуторный стиль» [13].

Гройс согласен с модернистской критикой в том, что советское искусство не создает собственных выразительных средств, а заимствует формы классического искусства, однако он идет дальше, уподобляя соцреализм постмодернизму, основанному на повторении. При этом, в отличие от постмодернизма, не претендующего на переустройство мира, соцреализм, так же как и авангард, претендует на универсальность и тотальное преобразование реальности. Это сходство усиливается и тем, что соцреализм противопоставляет себя рынку, коммерческому искусству, т.е. следует идее чистого искусства. Таким образом, будучи «постмодернистским» по форме, соцреализм остается модернистским по содержанию и именно это содержание подвергается деконструкции при переходе к следующему этапу развития искусства в Советском Союзе — соц-арту.

Еще одним заслуживающим внимания примером компатибилистского подхода можно считать позицию Е. Деготь [17]. По ее мнению, не только соцреализм, но и русский авангард противопоставлял себя западному модернизму. Такие художники как М. Ларионов, О. Розанова, П. Филонов стремились не изобразить реальность, но «явить», воплотить ее, причем реальность иную, высшую и, значит, нерукотворную. Нерукотворность несовместима с привлечением внимания к медиа, в то время как по авторитетному мнению Гринберга, именно критика медиальности, рефлексия по поводу используемых художником средств, является ключевой чертой западного модернизма. Но для соцреализма это невозможно, поскольку он, так же как и русский авангард, претендует на то, чтобы быть воплощением высшей реальности, отражать не действительность (мир, какой он есть), а возможность (мир, каким он должен стать). Соответственно, такие его черты как художественную невыразительность, боязнь «формализма» можно рассматривать в качестве продолжения проекта авангарда другими средствами. Соцреализм, таким образом, это не просто «плохая живопись», это самодостаточный художественный феномен.

В рамках «компатибилистского» дискурса предпринимается попытка не исключать соцреализм, но вписать его в историю искусства XX в. в качестве одного из возможных направлений его развития. Однако в силу того, что советский проект является проектом

утопическим, советское искусство было обречено на поражение, оно закончило свое существование вместе с советским государством.

Многообразие рассмотренных подходов, предлагающих различные ответы на вопрос о сущности соцреализма, говорит нам о том, что данный вопрос нельзя считать решенным. Живопись соцреализма представляет собой объект, сложный для осмысления. Она является «трудным объектом» в силу того, что теоретические языки, с помощью которых это осмысление может быть осуществлено, вырабатывались одновременно с развитием западного искусства, и применимы главным образом к его исследованию. Об этом говорит, в частности, то, что когда теоретики искусства обращаются к живописи соцреализма, они неизбежно соотносят ее с западноевропейским искусством XX в. Поэтому все перечисленные нами подходы, несмотря на их различия, содержат ряд общих элементов. Это, во-первых, представление о едином историческом процессе развития искусства, разнородные элементы которого должны образовывать непротиворечивую систему, и следовательно, любое художественное явление должно быть либо вписано в эту единую картину, либо предано забвению; во-вторых, признание центральной роли модернизма в истории искусства XX в.; и в-третьих, противопоставление советского искусства и его тенденций искусству западному. В этом контексте советское реалистическое искусство в большинстве случаев рассматривается как не представляющее большого интереса явление, воплощающее главным образом несостоятельность советского проекта в целом. Живопись социалистического реализма воспринимается как своего рода аномалия.

В нашу задачу не входит реабилитация советского художественного проекта, хотя надо признать, что так называемый соцреализм образует достаточно разнообразный корпус работ, включающий произведения разного художественного уровня. Вопрос, который интересует нас на данном этапе, заключается том, в каком направлении можно развивать исследования советского реалистического искусства. Упомянутые нами подходы к настоящему моменту во многом исчерпали свой эвристический потенциал, о чем свидетельствует снижение исследовательского интереса к этой теме в зарубежной науке. Что касается отечественных исследований, то тут нельзя не признать опасности «повторной мифологизации советского» [2, с. 417], то есть упрощающего идеализирующего взгляда на советское искусство и общество. На наш взгляд, новое знание о советском искусстве может быть получено благодаря включению его в новые контексты и применению иных по отношению к искусствознанию теоретических подходов и методов. Такими подходами могут быть культуральные исследования, исследования визуальной культуры, медиа-исследования и другие междисциплинарные направления, отказавшиеся от представления об автономии искусства и рассматривающие его в широком социальном и историческом контексте.

Мы предлагаем подойти к феномену соцреализма с точки зрения «социального» или «антропологического», то есть ориентированного не на методы искусствознания или эстетики, а на методы социальных наук, понимания искусства, характерного для современных визуальных исследований, и проинтерпретировать соцреализм как культурную практику, значение которой не ограничивается исключительно трансляцией идеологии советского государства. Искусство соцреализма, без сомнения, представляет собой ви-

зуальную репрезентацию советского политического проекта, однако интерпретация этого проекта исключительно как средства создания иллюзорного образа советской действительности ведет к слишком узкому его пониманию. Предлагаемый нами подход, предполагающий применение инструментария визуальных и социально-антропологических исследований, позволяет выявить взаимосвязь художественных феноменов и культурно-политических стратегий, а следовательно, получить новое научное знание о тех социально значимых смыслах, которые транслировались и, что не менее важно, формировались искусством социалистического реализма.

Перспективность предлагаемого метода подтверждается целым рядом исследований других видов медиа (в основном кино и полиграфической продукции) [6; 7; 16; 19; 21; 23; 24; 34, 35]. Что же касается живописи, то данному виду медиа до сих пор уделялось меньше внимания, тем не менее, отдельные публикации в данной области существуют [1; 5; 9; 26; 27, 29]. Эти немногочисленные, но разнообразные работы, объединяет стремление поместить советское искусство в широкий культурный, исторический и политический контекст.

В наших собственных исследованиях [3; 4] мы исходили из предпосылки, что образы и сюжеты живописи соцреализма формируют единый смысловой комплекс, все ключевые элементы которого взаимосвязаны и не являются случайными, поскольку транслируют значимые для советского общества культурные и политические смыслы. При этом мы не считаем, что эти смыслы можно считать полностью навязанными сверху, путем распространения и усвоения директив партийных органов. Их формирование, так же как и выработка системы образов соцреализма, представляло собой сложный разнонаправленный процесс, участниками которого выступали как партийное руководство, так и сами художники, а также критики и зрители. Несмотря на нормативный и подцензурный характер советского искусства, живопись соцреализма репрезентирует множество аспектов, важных для понимания советской культуры и трансформаций, происходивших в советском обществе. Соответственно, изучение советского изобразительного искусства помогает лучше понять эти противоречивые процессы.

Кратко остановимся на основных методологических принципах выбранного нами подхода. Мы считаем необходимым рассматривать не столько отдельные произведения, сколько группу произведений, объединённых общей тематикой. Следует отметить, что в значительной части существующих публикаций рассматривается относительно небольшой корпус произведений, при этом авторы выбирают либо откровенно пропагандистские произведения, либо работы, обладающие несомненными художественными достоинствами. Мы же предлагаем отказаться как от анализа отдельных произведений, так и от фокусирования внимания на фигуре автора, равно как и от понятий художественной школы и художественного стиля. Анализируя группу произведений сходной тематики, мы можем выделить тематические блоки, которые могут быть проинтерпретированы в качестве репрезентантов идеологических моделей, отражающих место изображаемых феноменов в культуре. При этом очевидно, что выделенные по тематическому принципу группы произведений будут включать в себя как более «качественные» произведения, так и произведение не обладающие художественными достоинствами. Эстетические характеристики произведений нельзя считать полностью незначимыми,

однако не они определяют критерии отбора материала для изучения. Можно также допустить, что отдельные смыслообразующие элементы будут более наглядно представлены в произведениях, не обладающих художественными достоинствами. Разделение произведений по темам, конечно же, является условным, поскольку одно и то же произведение может иметь отношение к разным тематическим группам. Но предметом анализа является не отдельное произведение, а именно группа таковых.

Представляется целесообразным отказаться также от проведения четких границ между видами искусства — живописью, графикой, журнальной иллюстрацией. Поэтому объект исследования лучше расширить до визуальной культуры как сферы, включающей в себя все типы изображений, циркулирующие в культуре, а также способы их производства и потребления, трансляции и обмена. Что касается изобразительного искусства, то необходимо учитывать его связь с другими медиа, например литературой и кинематографом. Отдельно отметим, что в большинстве случаев для корректной интерпретации сюжета необходимо обращение к широкому кругу документов, таких как журнальные и газетные публикации, научная, идеологическая, критическая литература. Поэтому в сферу исследовательского интереса должны попадать не только художественные произведения (в широком понимании этого слова), но и вся совокупность «текстов культуры».

Эти документы должны быть рассмотрены в качестве документов власти, в том смысле, который придавал этому понятию М. Фуко, то есть не власти как системы институтов, характерных для конкретного общества, а власти как системы отношений, разворачивающихся на уровне взаимодействия между индивидами и реализуемых в форме социальных практик. Работа с таким «архивом» необходима для того, чтобы эксплицировать те смыслы и значения, которые обеспечивали функционирование социальной системы.

Сформулированная таким образом задача делает необходимым также рассмотрение не только специфического способа производства советского реалистического искусства, что неоднократно было сделано в существующей литературе, но и практик его потребления зрителем, включая систему «мест», в которых советский человек встречался с произведениями художников-соцреалистов. Сюда нужно отнести, помимо музеев (что очевидно, но не обязательно имеет первостепенное значение), всю систему советских публичных пространств, а также пространства частные, поскольку советская живопись была знакома зрителям не только и не столько подлинниках, но в первую очередь в репродукциях. Таким образом, в сферу исследовательского внимания, должны попасть периодические издания (журналы, газеты), полиграфическая продукция (открытки, плакаты, календари, книги, в первую очередь школьные учебники). Эти изображения создавали постоянный и повседневный визуальный фон, визуальную среду, в которой разворачивались и осуществлялись социальные практики советского общества. Необходимо также обратить внимание на систему распространения подобной продукции, её организацию и принципы. Изучение подобных практик может потребовать обращения к дополнительным визуальным источникам (таким как профессиональная и любительская фотография), позволяющим понять и проанализировать повседневные практики советского человека.

Применение описанного подхода открывает новые перспективы для исследования и интерпретации советского изобразительного искусства. Помимо введения в научный оборот целого ряда не пользующихся широкой известностью произведений (причем речь идет об их критическом анализе, а не просто научном описании), можно отметить также возможность обращения к новому визуальному материалу, в частности, изделиям декоративно-прикладного искусства, сувенирной продукции, промышленной графики, что существенно усиливает междисциплинарные связи между различными дисциплинами (такими как история искусства, история дизайна, история промышленности и др.), изучающими советскую культуру. Здесь оправдан вопрос: не потеряется ли в этом «море визуальности» сама живопись как таковая? По нашему мнению, нет, так как живописное произведение содержит наибольшее количество разнообразных элементов — носителей культурных значений, что обеспечивает живописи роль центра, вокруг которого концентрируются стратегии смыслопорождения, свойственные советской визуальной культуре.

Литература

1. Андреева Е. Труд и перекур в искусстве СССР 1940-х — начала 1960-х годов // Логос. — 2019. — Т. 29. — № 1. — С. 233–242.
2. Андреева Е. Ю. Советское искусство на художественных выставках и в экспозициях российских музеев и галерей 1990–2020-х годов // Художественная культура. — 2023. — № 4. — С. 390–421. — DOI 10.51678/2226-0072-2023-4-390-421
3. Беззубова О. В., Двойникова П. А., Смирнов А. В. Изображение полевого стана в советской живописи 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — № 43. — 2021. — С. 26–39. — DOI 10.17223/22220836/43/2
4. Беззубова О. В., Двойникова П. А., Смирнов А. В. Школа в советской живописи 1950-х гг.: репрезентация идеологических стратегий // Концепт: философия, религия, культура. — Т. 4. — № 4. — 2020. — С. 158–169. — DOI 10.24833/2541-8831-2020-4-16-158-169
5. Бобриков Л. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. — 2003. — № 51/52. — С. 25–29.
6. Боннелл В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. — М.: Вариант, 2009. — С. 183–214.
7. Боннелл В. Репрезентация женщины в советских плакатах // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. — М.: Вариант, 2009. — С. 245–271.
8. Боров Ю. Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. — М.: АСТ, Олимп, 2008. — 478 с.
9. Галямов А. А. Коренные народы Севера в произведениях советских художников 1950-х годов: репрезентация «школьной тематики» // Вестник урovedения. — 2022. — Т. 12. — № 1. — С. 175–184. — DOI 10.30624/2220-4156-2022-12-1-175-184
10. Голомисток И. Соцреализм и изобразительное искусство // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 134–145.
11. Голомисток И. Н. Тоталитарное искусство. — М.: Галарт, 1994. — 294 с.
12. Гринберг К. Авангард и китч // Художественный журнал. — 2005. — № 60. — С. 49–58.
13. Гройс Б. Полуторный стиль: соцреализм между модернизмом и постмодернизмом // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 109–118.
14. Гройс Б. Стиль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. — М.: Знак, 1993. — С. 11–112.

15. Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 7–15.
16. Дашикова Т. Ю. Телесность — Идеология — Кинематограф: Визуальный канон и советская повседневность. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 247 с.
17. Деготь Е. Язык социалистического реализма и наследие русского авангарда: Судьба «трансмедийной утопии» // Культуральные исследования. Сборник научных работ. — СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2006. — С. 202–216.
18. Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема: Сб. ст. / Отв. ред. Н. М. Куренная. — М.: ИСБ, 1995. — 287 с.
19. Левинг Ю. Воспитание оптикой: книжная графика, анимация, текст. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 523 с.
20. Митич Л. Выставка четырех советских художников в Белграде в 1947 г. // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. — Вып. 4. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой. — СПб.: НП-Принт, 2014. — С. 576–583.
21. Михайлин В. Ю., Беляева Г. А. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х — середины 1960-х годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 580 с.
22. Морозов А. И. Соцреализм и реализм. — М.: Галарт, 2007. — 271 с.
23. О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 293 с.
24. Отдельнова В. А. Советская портретная живопись конца 1960-х–1970-х годов между наследием Ренессанса и традициями соцреализма. // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. — Вып. 6. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2016. С. 690–697. — DOI 10.18688/aa166-9-75
25. Саргсян Л. Г. Оттепель и армянская живопись: страницы художественной критики 1950-х годов // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. — Вып. 14. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2024. — С. 510–521. DOI 10.18688/aa2414-7-40
26. Хасянов О. Р., Кабытов П. С., Галимова Л. Н. Художественное наследие А. А. Пластова как визуальный источник по истории колхозной деревни периода сталинизма // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 457–470. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-11-457-470
27. Янковская Г. А. «Обаяние» банальности. Советская повседневность в изобразительном искусстве 1940–1950-х гг. // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — С. 427–436.
28. Abykayeva-Tiesenhausen A. The Eastern Connection: Depictions of Soviet Central Asia // Art beyond Borders: Artistic Exchange in Communist Europe (1945–1989) / Eds J. Bazin, P. Glatigny, P. Piotrowski. — Budapest: Central European University Press, 2016. — P. 461–471. — DOI 10.1515/9789633860847
29. Bown M., Lafranconi M. (eds.). Socialist realisms: Soviet painting, 1920–1970. Milano: Skira, 2012. — 295 p.
30. Cârâbaș I. Modernism versus Modernism. Socialist Realism and Its Discontents in Romania // Periodization in the Art Historiographies of Central and Eastern Europe / Eds S. Kallestrup, M. Kunińska, M. A. Mihail, A. Adashinskaya, & C. Minea. — London: Routledge, 2022. — P. 248–262. — DOI 10.4324/9781003178415
31. Eisman A. “Socialist Realist” Critiques of Neoliberal “Shock Therapy”: East German Artists Respond to the 1973 Putsch in Chile // The Oxford handbook of communist visual cultures / Eds A. Skrodzka, Lu Xiaoning, K. Marciniak. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2020. — P. 432–451. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.19
32. Gabriel D. Socialist Realism in the Abstract: North Korea and the Problem of Cultural Reception Among Socialist Countries in the 1950s // Selva: A Journal of the History of Art. — 2024. — No. 5 (Spring). — P. 156–178.
33. Moskalewicz M. Who Doesn't Like Aleksander Kobzdej? A State Artist's Career in the People's Republic of Poland // The Oxford handbook of communist visual cultures / Eds A. Skrodzka, Lu Xiaoning, K. Marciniak. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2020. — P. 196–223. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.7
34. Oushakine S. A. Machines, Nations, and Faciality: Cultivating Mental Eyes in Soviet Books for Children // The Oxford handbook of communist visual cultures / Eds A. Skrodzka, Lu Xiaoning, K. Marciniak. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2020. — P. 158–194. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.16

35. *Rusnock A.* Socialist Realist Painting During the Stalinist Era (1934–1941): The High Art of Mass Art. — Lewiston, Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. — 268 p.
36. *Xiaoping Lin.* Challenging the Canon. Socialist Realism in Traditional Chinese Painting Revisited // *Third Text* / Eds *R. Araeen, S. Cubitt, & Z. Sardar.* — 2007. — Vol. 21. — No. 1. — P. 41–53. — DOI 10.1080/09528820601138329

Название статьи. Изобразительное искусство социалистического реализма: к вопросу о современных подходах к интерпретации

Сведения об авторах. Смирнов, Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034; aleksey.smirnov@spbu.ru; SPIN-код: 7374-0987; ORCID: 0000-0002-4640-6263; Scopus ID: 57192369135

Беззубова, Ольга Владимировна — кандидат философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034; o.bezzubova@spbu.ru; SPIN-код: 5058-8664; ORCID: 0000-0002-0494-3386; Scopus ID: 57555708100

Аннотация. Статья посвящена вопросу о возможных стратегиях интерпретации советского реалистического искусства. Живопись соцреализма представляет собой трудный объект для изучения, поскольку большинство влиятельных современных подходов к ее осмыслению ориентированы на критерии, заданные развитием западного искусства в XX веке. Анализ ключевых подходов к интерпретации советского искусства позволяет выделить ряд доминирующих тенденций, при всех присущих им различиях, объединенных ориентацией на эстетические критерии художественного авангарда. С этой точки зрения соцреализм представляет собой аномальное явление в истории искусства XX века и может рассматриваться только как несостоятельный художественный проект. В статье предлагается подойти к исследованию соцреализма с точки зрения «социального» или «антропологического» подхода и посмотреть на советское изобразительное искусство как на отражение специфических социокультурных практик. Применение такого подхода позволит поставить новые исследовательские вопросы, в частности, обратить внимание на взаимосвязь трансформации образной системы советской живописи и тех разнонаправленных процессов, которые происходили в советском обществе. Решение сформулированной таким образом задачи потребует обращения к широкому эмпирическому материалу, то есть обращения к совокупности изображений и текстов, порожденных советской культурой. Такое расширение рамок исследования позволяет говорить о том, что предметом исследования является не искусство как автономная сфера, а визуальная культура в целом.

Ключевые слова: советское искусство, живопись социалистического реализма, советская культура, визуальная культура, исследования советской визуальной культуры

Title. Socialist Realist Art: Towards New Approaches to Interpretation⁴

Authors. Smirnov, Aleksey V. — Dr. habil. (Philosophy), professor. St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation; aleksey.smirnov@spbu.ru; SPIN-code: 7374-0987; ORCID: 0000-0002-4640-6263; Scopus ID: 57192369135

Bezzubova, Olga V. — Ph. D., associate professor. St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation; o.bezzubova@spbu.ru; SPIN-code: 5058-8664; ORCID: 0000-0002-0494-3386; Scopus ID: 57555708100

Abstract. The article considers the issue of possible strategies for interpreting Soviet realistic art. Socialist realist painting is a difficult object to study, since most influential modern approaches to its understanding are oriented towards the criteria set by the development of 20th-century Western art. An analysis of the key approaches to the interpretation of Soviet art allows us to identify a range of dominant trends, which, with all their inherent differences, are united by their orientation towards the aesthetic criteria of the artistic avant-garde. From this point of view, socialist realism is an anomalous phenomenon in the history of 20th-century art and can only be considered as an untenable artistic project. The article proposes to approach the study of socialist realism from the perspective of a “social” or “anthropological” framework and to look at Soviet fine art as a reflection of specific socio-cultural practices. The implementation of such an approach will allow us to pose new research questions, in particular, to draw attention to the relationship between the transformation of the figurative sys-

⁴ The study was carried out within the framework of project No. 25-28-00351 “Representation of everyday life in Soviet visual culture of the 1950s–1970s”, funded by the Russian Science Foundation.

tem of Soviet painting and the multidirectional processes that took place in Soviet society. The solution to the problem formulated in this way will require a study of various empirical material, that is, a study of the totality of images and texts generated by Soviet culture. Such an extension of the study framework allows us to claim that the subject of the study is not art as an autonomous sphere, but visual culture as a whole.

Keywords: Soviet art, socialist realist painting, Soviet culture, visual culture, studies of Soviet visual culture

References

- Abykayeva-Tiesenhausen A. The Eastern Connection: Depictions of Soviet Central Asia. Bazin J.; Glatigny P.; Piotrowski P. (eds). *Art beyond Borders: Artistic Exchange in Communist Europe (1945–1989)*. Budapest, Central European University Press, 2016, pp. 461–471. DOI 10.1515/9789633860847
- Andreeva E. Work and The Smoke Break in The Art of The USSR from The 1940s through The Early 1960s. *Logos*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 233–242 (in Russian).
- Andreeva E. Yu. Soviet Art at Art Exhibitions and Expositions of Russian Museums and Galleries in the 1990s–2020s. *Khudozhestvennaya kul'tura (Art & Culture Studies)*, 2023, no. 4, pp. 390–421 DOI 10.51678/2226-0072-2023-4-390-421 (in Russian).
- Bezzubova O. V.; Dvoynikova P. A.; Smirnov A. V. School in the Soviet Painting of the 1950s: Pictorial Representation of Ideological Strategies. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 158–169 DOI 10.24833/2541-8831-2020-4-16-158-169 (in Russian).
- Bezzubova O. V., Dvoynikova P. A., Smirnov A. V. The Representation of The Field Camp in Soviet Painting of 1960s — 1970s. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2021, no. 43, pp. 26–39. DOI 10.17223/22220836/43/2 (in Russian).
- Bobrikov L. Severe style: mobilization and cultural revolution. *Khudozhestvennyi zhurnal (Art magazine)*, 2003, no. 51/52, pp. 25–59 (in Russian).
- Bonnell V. Iconography of the Worker in Soviet Political Art. *Vizual'naia antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme (Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism)*. Moscow, Variant Publ., 2009, pp. 183–214 (in Russian).
- Bonnell V. Representation of women in Soviet posters. *Vizual'naia antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme (Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism)*. Moscow, Variant Publ., 2009, pp. 245–271 (in Russian).
- Borev Iu. B. *Sotsialisticheskii realizm: vzgliad sovremennika i sovremennyy vzgliad (Socialist realism: a contemporary's view and a contemporary view)*. Moscow, AST Publ., Olimp Publ., 2008. 478 p. (in Russian).
- Bown M.; Lafranconi M. (eds). *Socialist realisms: Soviet painting, 1920–1970*. Milano, Skira Publ., 2012. 295 p.
- Cărăbaș I. Modernism versus Modernism. Socialist Realism and Its Discontents in Romania. Kallestrup S.; Kunińska M.; Mihail M. A.; Adashinskaya A.; Minea C. (eds). *Periodization in the Art Historiographies of Central and Eastern Europe*. London, Routledge Publ., 2022, pp. 248–262. DOI 10.4324/9781003178415
- Dashkova T. Iu. *Telesnost' — Ideologiya — Kinematograf: Vizual'nyi kanon i sovetskaya povsednevnost (Corporality — Ideology — Cinema: Visual Canon and Soviet Everyday Life)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 247 p. (in Russian).
- Degot E. The Language of Socialist Realism and the Legacy of the Russian Avant-garde: The Fate of the “Transmedial Utopia”. *Kul'tural'nye issledovaniia (Cultural Studies)*. Saint-Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ.; Moscow, Letnii sad Publ., 2006, pp. 202–216 (in Russian).
- Eisman A. “Socialist Realist” Critiques of Neoliberal “Shock Therapy”: East German Artists Respond to the 1973 Putsch in Chile. Skrodzka A.; Xiaoning Lu; Marciniak K. (eds). *The Oxford Handbook of Communist Visual Cultures*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2020, pp. 432–451. DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.19
- Gabriel D. Socialist Realism in the Abstract: North Korea and the Problem of Cultural Reception among Socialist Countries in the 1950s. *Selva: A Journal of the History of Art*, 2024, no. 5 (Spring), pp. 156–178.
- Galyamov A. A. Indigenous peoples of the North in the works of Soviet artists of the 1950s: representation of “school themes”. *Vestnik ugrovedeniia (Bulletin of Ugric Studies)*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 175–184 (in Russian). DOI 10.30624/2220-4156-2022-12-1-175-184
- Golomstock I. *Totalitarnoe iskusstvo (Totalitarian art)*. Moscow, Galart Publ., 1994. 294 p. (in Russian).

Golomstock I. Socialist Realism and Fine Arts. *Sotsrealisticheskii kanon (Socialist realist canon)*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 134–145 (in Russian).

Greenberg C. Avant-garde and Kitsch. *Khudozhestvennyi zhurnal (Art magazine)*, 2005, no. 60, pp. 49–58 (in Russian).

Groys B. Stalin Style. *Groys B. Utopiia i obmen (Utopia and Exchange)*. Moscow, Znack Publ., 1993, pp. 11–112 (in Russian).

Groys B. One and a half style: social realism between modernism and postmodernism. *Sotsrealisticheskii kanon (Socialist realist canon)*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 109–118 (in Russian).

Günther H. Totalitarian state as a synthesis of arts. *Sotsrealisticheskii kanon (Socialist realist canon)*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 7–15 (in Russian).

Iankovskaia G. A. The “Charm” of Banality. Soviet Everyday Life in Fine Arts of the 1940s–1950s. *Ochevidnaia istoriia. Problemy vizual'noi istorii Rossii XX stoletii (Obvious History. Problems of Visual History of Russia in the 20th Century)*. Chelyabinsk, Kamennii poias Publ., 2008, pp. 427–436 (in Russian).

Khasyanov O. R.; Kabytov P. S.; Galimova L. N. Artistic Heritage of A. A. Plastov as a Visual Source on the History of the Collective Farm Village of the Period of Stalinism. *Nauchnyi dialog (Scientific dialogue)*, 2019, no. 11, pp. 457–470 DOI 10.24224/2227-1295-2019-11-457-470 (in Russian).

Kurennaia N. M. (ed.). *Znakomyi neznakomets. Sotsialisticheskii realizm kak istoriko-kul'turnaia problema (Familiar Stranger. Socialist Realism as a Historical and Cultural Problem)*. Moscow, ISB Publ., 1995. 287 p. (in Russian)

Leving Iu. *Vospitanie optikoi: knizhnaia grafika, animatsiia, tekst (Leving Yu. Education by optics: book graphics, animation, text)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 523 p. (in Russian).

Mikhailin V. Iu.; Beliaeva G. A. *Skytyi uchebnyi plan: antropologii sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930-kh — serebry 1960-kh godov (The Hidden Curriculum: An Anthropology of Soviet School Cinema from the Early 1930s to the Mid-1960s)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 580 p. (in Russian).

Mitić L. The Exhibition of Four Soviet Painters in Belgrade, 1947. Zakharova A. V.; Maltseva S. V. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 4, St. Petersburg, NP-Print Publ., 2014, pp. 576–583.

Morozov A. I. *Sotsrealizm i realizm (Socialist realism and realism)*. Moscow, Galart Publ., 2007. 271 p.

Moskalewicz M. Who Doesn't Like Aleksander Kobzdej? A State Artist's Career in the People's Republic of Poland. Skrodzka A.; Xiaoning Lu; Marciniak K. (eds). *The Oxford handbook of communist visual cultures*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2020, pp. 196–223. DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.7.

O'Mahony M. *Sport v SSSR: fizicheskaia kul'tura — vizual'naia kul'tura (Sport in the USSR. Physical Culture — Visual Culture)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 293 p. (in Russian).

Otdelnova V. A. Soviet Portrait Painting at the Turn of the 1960–1970s: Between Renaissance Heritage and Social Realism Traditions. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*, vol. 6, St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 690–697. DOI 10.18688/aa166-9-75 (in Russian).

Oushakine S. A. Machines, Nations, and Faciality: Cultivating Mental Eyes in Soviet Books for Children. Skrodzka A.; Xiaoning Lu; Marciniak K. (eds). *The Oxford Handbook of Communist Visual Cultures*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2020, pp. 158–194. DOI 10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.16

Rusnock A. *Socialist Realist Painting During the Stalinist Era (1934–1941): The High Art of Mass Art*. Lewiston, Queenston, Lampeter, The Edwin Mellen Press Publ., 2010. 268 p.

Sargsyan L. Thaw and Armenian Painting: Pages of Art Criticism of the 1950s. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, 2024, vol. 14, St. Petersburg, NP-Print Publ., pp. 510–521 (in Russian). DOI 10.18688/aa2414-7-40.

Xiaoping Lin. Challenging the Canon. Socialist Realism in Traditional Chinese Painting Revisited. Ar-aen R.; Cubitt S.; Sardar Z. (eds). *Third Text*, 2007, vol. 21, no. 1, pp. 41–53. DOI 10.1080/09528820601138329